

Лексическая репрезентация *свободы* в философском тексте Н.А. Бердяева

Вся философия Н.А. Бердяева проникнута идеей о свободе человека. Именно своей концепцией *свободы* философ определяет решение ряда глубинных проблем человеческого существования, человеческой истории, в том числе и проблеме творчества, которое выступает как ценность, не знающая над собой внешнего суда. Переплетаясь с такими ключевыми понятиями, как *культура, цивилизация, вера, любовь* и проч., концепт образует особый концептуальный “рисунки”, позволяющий представить особенности мировосприятия одного из крупнейших философов России.

В философском тексте Н.А. Бердяева концепт *свобода* актуализируется прежде всего посредством бинарной оппозиции *свобода – рабство (несвобода)*. Противоречие между свободой и рабством, зависимость от материального, когда “за хлеб соглашаются отказаться от свободы духа” – основная идея бердяевской философии свободы. Понятия *внешней свободы* здесь смещается, и на первый план выходит *внутренняя свобода (духа)*.

В философском тексте Н.А. Бердяева представлены две основные формы *свободы*: *свобода как Ничто*, то есть *свобода* “без всякой детерминации, объективации”, и *свобода духа* (свобода в христианстве, в контексте Спасения): “Трансцендентность Бога, свобода Бога от мировой необходимости, от всякой объективности есть источник свободы человека” [1, с. 57]; “Бог есть свобода. Бог есть дух. Свобода всегда противопоставляется детерминации, царство которой есть мировой порядок” [1, с. 80].

Идеальная форма свободы – свобода Бога (Христа, духа). По Н.А. Бердяеву, *истинной свободы* можно достигнуть, лишь преодолев детерминацию, универсализм и материализм объективной реальности, то есть пройдя путь: *Свобода Ничто – Христос (свобода Бога) – полная свобода человека (личности)*. Однако достижение последней представляется невозможным, так как человек полностью детерминирован: “Свобода есть результат необходимости, познанный необходимости...” [1, с. 92]

По христианской традиции Бог есть истина и Бог есть свобода. Н.А. Бердяев также использует истину как своеобразный маркер *свободы*: “Истина всегда связана со свободой и дается лишь свободе” [1, с. 69]. Следовательно, в исследуемом концепте можно выделить и сему ‘истина’.

Противопоставляя *свободу* необходимости и детерминированности, Н.А. Бердяев подчеркивает активную составляющую свободы. *Свобода* – это способность противостоять необходимости, бороться с детерминированностью и зависимостью человека от условий и рамок

общественных отношений. Свобода активна, рабство – пассивно: “Подлинная свобода – сопротивляющаяся необходимости. Псевдосвобода – результат необходимости. <...> Свобода предполагает преодолеваемое сопротивление. <...> Стремись к свободе, но никогда не забывай об истине, о любви, о справедливости, иначе свобода, станет ... ложной идеей. Стремись к истине, к любви, к справедливости, но не забывай о свободе” [1, с. 483–484]. Как видно из слов автора, *свобода* коррелирует с такими категориями, как *любовь, истина, совершенство, духовная целостность, творчество*. *Свобода* как отсутствие ограничений, реализация своих желаний посредством насилия есть псевдосвобода. В философском тексте Н.А. Бердяева в концепте *свобода* через оппозицию *свобода – насилие* актуализируется сема ‘сила’: “Социальное и психологическое насилие лишает человека свободы. <...> Свобода – сила. Сила не тождественна насилию. Насилие есть рабство” [1, с. 57–70].

Прослеживается тесная взаимосвязь концепта *свобода* с другими ключевыми концептами, такими, как *цивилизация, культура, общество, природа, бытие*. Противопоставляя истинную *свободу* мировому порядку, философ заключает, что природа и есть мировой порядок, объективация, а следовательно, она вступает в оппозиционные отношения со *свободой*: “Свобода всегда противопоставляется детерминации, царство которой есть мировой порядок. Только Бог свободен. <...> Природа прежде всего для меня противоположна свободе, порядок природы отличается от порядка свободы. Природа есть объективация. <...> В человеке есть природа, но человек не есть природа” [1, с. 79–90, 92]. Доминирование в человеке природного неизбежно приводит к греху, т.е. к отказу от Бога. Однако философ допускает существование природы как субъекта, творящего и созидającego. Такая природа является маркером *свободы* у Н.А. Бердяева: “Природа “субъективная” (к которой призывали Руссо, Толстой) приближается к царству свободы. Это промежуточное царство” [1, с. 115]. Воспринимая *свободу* как первореальность, философ подчеркивает ее целостность и бесосновность. Природа как объективный, материальный мир, общество предполагает совокупность различных элементов – правил, норм, рамок, некую иерархию. *Истинная свобода* же отвергает наличие всякого рода иерархий, представляет собой единство: “Свобода есть целостность, единство. <...> Свобода бесосновна. <...> Рабство внутри человека связано с утратой внутреннего центра. <...> Общество не есть существо и личность. “Мы” есть качественное содержание “Я”, его социальное трансцендирование” [1, с. 100–114].

Все, что пытается упорядочить мир, организовать деятельность человека по определенным критериям, подчинить сущность личности мировому порядку, есть несвобода, рабство. *Цивилизация*, по мнению Н.А. Бердяева, выступает как объективация, поработящая человека. Жизнь человека в обществе не может сопровождаться свободой, так как она ограничена традицией, рядом социальных кодов и символов. Само общество есть символ, а не первореальность: “Рабство человека у общества есть прежде всего рабство у социальных символов. Самое общество есть символ, а не первореальность. <...> Человек создал цивилизацию, воздух которой удушлив, нормы которой не дают свободы движения” [1, с. 90–99]. Как видно из текста автора, цивилизация, общество ограничивают активность, движение человека, то есть поработяют личность.

Свобода – одна из важнейших характеристик, черт, одна из главных составляющих менталитета русского человека. Однако человек является прежде всего гражданином, живущим по определенным нормам и правилам культуры, общества. Деятельность личности всегда ограничивается культурными нормами. По мнению Н.А. Бердяева, культура не может отождествляться со свободой личности, она, скорее, противостоит свободе, так как представляет собой одну из форм рабства: “Культура превратилась в самоцель, подавляющую творческую свободу человека. <...> Культуропоклонство есть одна из форм идолопоклонства и рабства человека” [1, с. 115–128]. Символом рабства, несвободы, по Н.А. Бердяеву, является все, что детерминирует, ограничивает деятельность и мысль личности, все, от чего зависит и чему поклоняется человек. Кроме того, философ, рассуждая о *свободе*, четко различивает понятия *человек* (в значении *индивид*) и *личность*. *Свобода* является атрибутом, характеристикой исключительно личности, “свободной от рабства “Я” и от рабства “Не-Я”. Человек – раб своего эгоцентризма, личность же свободна от царства объективизма: “Человек раб своего эгоцентризма. Индивидуализм не есть персонализм. Индивидуализм происходит от слова «индивидуум», а не от «личность». Только свободный есть личность” [1, с. 128–130]. Как объективация выступает само бытие индивидуума: “Бытие есть отчуждение и объективация, превращение свободы в необходимость... Рабство у “бытия” и есть первичное рабство человека. Универсализм есть смертельный враг свободы человека” [1, с. 70–79]. Таким образом, философ актуализирует *свободу* посредством оппозиции *свобода – бытие*.

Анализируя особенности концептуализации *свободы* в философском тексте Н.А. Бердяева, мы сталкиваемся с еще одной оппозицией: *творчество* (как форма выражения свободы) – *несвобода*. Н.А. Бердяев рассматривает

творчество как движение, активность личности, приводящую к внутреннему освобождению. Творчество как акт движения мысли противостоит пассивности индивида, подчиненности, зависимости от ряда условий: “Творчество есть огонь, взлет, победа над объективированностью мира, над детерминизмом. Продукт же творчества, культуры есть охлаждение огня, оседание; продукт находится в царстве объективности” [1, с. 127–128].

Концепт *свобода* в философском тексте Н.А. Бердяева получает как традиционное наполнение, зафиксированное в лексикографической и энциклопедической литературе и получившее отражение в русской языковой и философской картинах мира, так и индивидуально-авторское, репрезентирующее *свободу* как явление противоречивое и неоднозначное, являющееся атрибутом внутреннего, духовного мира человека.

Литература

1. Бердяев, Н.А. О назначении человека. О рабстве и свободе человека / Н. Бердяев. – М. : АСТ Москва, 2006. – 637 с.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ